

Письмо 9. Лучшим во мне я обязан женщинам

Тусклое здесь электричество,

Капает с крыши вода...

Женщина, Ваше Величество,

Как Вы попали сюда...

Булат Окуджава

Хорошим и разным. Теперь, оглядываясь на свой сравнительно успешный жизненный путь, я не задаю вопроса: «Когда же будет лучше?», понимая, что «лучше уже было».

В детстве и юности я стоял на очень низком старте. Родители без среднего образования; все свои силы, ум и интеллект они честно потратили на создание приемлемого для нас жизненного уровня по жилью и питанию в то трудное время, когда ожидалась война, шла война, «залечивались раны войны». Советская школа научила меня грамотно писать по-русски, началам математики, физики и химии; все остальное впоследствии оказалось чистым враньем: история, география, литература, конституция, биология по Лысенко; пустыми занятиями оказались также немецкий язык, «военное дело», физкультура, пионерские и комсомольские собрания. Хотя я любил читать, выбор книг был ограничен и жестко подобран, так что я не могу даже повторить признание Максима Горького: «Лучшим во мне я обязан книгам». В первый год после школы, 1950, в институт меня не приняли, как еврея. Тогда я впервые обиделся на советскую власть и понял, что у нее свои задачи, а у меня - свои.

Я был обычным, очень робким (вследствие разнополой школьной системы), малокультурным парнем. Уровень мой, по случайному совпадению, вполне характеризуется названием улицы, на которой я тогда проживал в Москве - «Третья Мещанская». Первая девушка, которая немного обтесала меня и вытащила оттуда, за что я был искренне благодарен ей, и стала моей первой женщиной и женой. Это было на последнем курсе института, мне было уже 22.

Крутой поворот в моем характере, миропонимании и судьбе произошел благодаря случайной встрече с женщиной, которая оказалась моим руководителем в исследовательской лаборатории Академии наук, где я начал работать в качестве волонтера после окончания ВУЗа. Пытаясь поступить в эту лабораторию, я старательно работал, и видимо, понравился ей своим старанием и природным чувством юмора. Только 5 лет спустя я узнал, что попал на работу туда вопреки всем кадровым запретам, исключительно благодаря необыкновенным возможностям Веры Ивановны.

Это была красивая, обаятельная женщина, на 10 лет старше меня, с уникальной биографией. Детство ее прошло в правительственном «Доме на набережной» - отец был наркомом (министром) сельского хозяйства; в 1937-м, во время сталинских репрессий его расстреляли, мать арестовали. 15-летняя Вера осталась одна, все друзья дома и приживалки с перепугу заперлись от нее, но ближайший сталинский сподвижник Ворошилов, замужем за сыном которого была Верина сестра, удочерил и взял Веру в свою кремлевскую квартиру. Так она стала, с одной стороны, дочерью «врага народа», а с другой, дочерью министра обороны и члена Политбюро. Эта «пара сил» так выкрутила ее характер и миропонимание, что она

стала человеком совсем без «комплексов», идеологических пристрастий и привязанностей. Она старалась делать добро всем обиженным судьбой, но скорее по привычке, чем от души. Меня она вроде бы «усыновила», мы стали добрыми друзьями. В длительных командировках она много и откровенно рассказывала мне, открыв глаза на советскую власть и правительство, учила взаимоотношениям с людьми - начальством, женщинами, коллегами. Она рассказывала мне и о своих любовниках, и я, конечно, не мог себе представить, что с ней могут быть у меня какие-то отношения, кроме дружеских. Она долго удивлялась, что все влюбляются в нее, а я нет, и тогда она влюбила меня в себя.

В один прекрасный день, в самом начале моей работы у Веры, я пришел в лабораторию в шоковом состоянии. Случайно я встретил на улице свою первую институтскую любовь Майю, и прежние чувства вновь нахлынули на меня. Как всякая первая любовь, и эта была для меня «несчастной». Я влюбился еще на первом курсе, но отсутствие материальных возможностей, в первую очередь, комнаты, обрекло меня на целомудренное любование моей пассией - она была недоступна, как божество, даже для поцелуя. Хотя я нравился ей, но за ней таскался еще один геолог, иногда с проклятиями сопровождавший нас сзади на почтительном расстоянии. На последнем курсе она вышла за него замуж, родила сына и уехала с мужем в Китай на работу. Я тоже женился, появилась дочка.

Вера моментально распознала мои душевные томления, расспросила подробно, и то, что она предложила, ввергло меня в еще больший шок. Я знал, что она немного «ведьма», и когда она сказала, что максимум через две недели Майя будет моей, если я последую ее советам, я поверил. И было так.

Это было невероятно. Вскоре я расстался с женой, потом уехал с Верой в командировку. Потом вернулся из Китая Майин муж. И тогда Майя сказала мне во время очередного свидания: «Я люблю тебя, но у нас нет будущего. У меня сын, у тебя дочь. Я как-нибудь справлюсь, у меня есть способ - я рожу от мужа еще одного ребенка». Мы попрощались у Лужников, на конечной остановке автобуса, в который вошла Майя. Она стояла у заднего окна и смотрела на меня, и мне казалось, что в удаляющемся автобусе она бьется о стекло, как осенняя муха.

Но тот факт, что меня взаправду полюбила женщина «моей мечты», совсем перекрутил мое мироощущение. Я почувствовал, что все могу, и все сумею. Мне уже казалось, что повстречай я Софи Лорен, я не имел бы проблем, раз она мне нравится. Я с легкостью необыкновенной решал научные проблемы, изобретал оригинальные технические решения, и вскоре защитил кандидатскую диссертацию. Я научился диктовать набело отчеты, статьи, книги, читать доклады, лекции. Все было легко и просто. Без тени сомнения и смущения я продиктовал Вере ее докторскую диссертацию, потом лаборантке свою. Появились аспиранты - для каждого у меня находилась оригинальная идея, я выпустил около 50 кандидатов наук, все они без исключения защитили диссертации и были утверждены ВАКом. Диапазон моих познаний расширялся: я брался за технологию, физ-химию, кибернетику, автоматику, экономику.

Сотни раз я выступал официальным оппонентом, научившись читать диссертации «по диагонали», замечая при этом не только недочеты, но и опечатки. Как тогда говорили, «оппонент работает, как проститутка, за 20 рублей и ужин в ресторане». Но в отличие от проститутки, у меня оставались связи и благодарные

отношения с кандидатами и докторами наук, от чужих и своих аспирантов во многих городах, институтах, предприятиях во всех уголках страны. Это не только расширяло мои возможности в решении самых различных проблем в моей нескладной стране. Я приезжал, как к родным, в Грузию, Армению, Казахстан, Украину, на Урал, Байкал, Кольский полуостров, Кавказ, в Норильск. Из совместных работ я «слепил» премии СовМина, потом Государственную...

Не могу пожаловаться на невнимание женщин. Они многое дали мне, и больше других моя вторая, окончательная жена, научившая меня доброте, дружелюбию, сохранению хороших отношений с людьми. Многие любили меня за успех и веру в то, я принесу успех и им. Я рад, что почти со всеми женщинами у меня сохранились дружеские отношения. Однажды я ехал на машине на какое-то важное заседание в Госплан СССР и увидел на троллейбусной остановке Майю. Я остановился, открыл дверцу, она впрорхнула на сидение, как будто мы виделись накануне, хотя прошло больше 10 лет.

- Куда тебя отвезти, - спросил я.
- Если можешь, куда-нибудь подальше.

Я не попал на заседание. Я повез ее в парк своего любимого подмосковного музея «Архангельское». Мы молча бродили по шуршащей осенней листве. Хорошо, когда есть женщина, с которой можно поговорить, но еще лучше помолчать. Я всегда звоню ей, поздравляя с днем рождения; этот день мне легко запомнить, он накануне дня рождения моей старшей дочери, а мою младшую дочь тоже зовут Майя. Последний раз я звонил Майе 27 января этого года в Принстон, поскольку знал, что в прошлом году она с мужем жила там у своей дочери Ольги. Я услышал знакомый голос, но это оказалась Ольга.

- Я знаю, Вы Лева, - сказала она, хотя мы никогда не виделись и не говорили друг с другом. - Мама в Москве. Позвоните ей, пожалуйста.

Конечно, я, хоть и с трудом, дозвонился, чтобы поздравить ее. В этот день ей исполнилось 70 лет.